Даниил Гранин

ОБРЕТЕНИЕ ВЛАСТИ

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ НАРОДНОГО ДЕПУТАТА

За свою жизнь пришлось мне немало поездить по бойким и глухим местам нашей страны. Куда только ни заводила судьба и любопытство, работа и чей-то призыв. Вроде бы и вширь, и вглубь увидено немало, и все же на этом Съезде, признаюсь, впервые открылся передо мною облик страны, какой я ее не знал, да и она сама себя не знала. Ни на одном форуме не происходило такого открытия. Была сброшена маска — нарумяненная, с разрисованной улыбкой счастливого преуспевания, самодовольства, гордого своим передовым сознанием и наилучшим строем. И вдруг предстало иссеченное шрамами страдающее порой ожесточенное искаженное болью, умное и прекрасное лицо, которого никто не знал. Сколько обнаружилось политически зрелых молодых, смелых лидеров, талантов государственности. Было непонятно, как могли они вызреть, прорасти сквозь трясину застоя, причем не то чтобы в центре, а и в дальних окраинах, в глухомани, людей действия, независимой мысли. Годы разрушительные, казалось, бесплодные, скопили, оказывается, огромный духовный потенциал. Это то, что выявилось. Из тех, кто достиг трибуны, успел пробиться, заявил, движимый своим темпераментом, болью, ответственностью Съезд делили на правых и левых, на столичных и провинциалов, но я наблюдал и другое деление — на деликатных и неделикатных. Уверен, что среди восьми сотен депутатов, подавших записки с просьбой дать им слово и скромно ждавших и недождавшихся, было куда сколько выношенного, выстраданного, необходимого нам всем и так и неуслышанного.

Одним из самых трагических было для меня выступление депутата Каипбергенова о бедствиях каракалпакского народа. В сущности о том, как гибнет этот народ по нашей вине. Из-за хлопковых поборов. Хлопковое дело — это не только приписки, аферы, коррупция, награбленные миллионы... Это еще уничтожение народов.

Было несколько коренных, я бы сказал, выступлений про экономику, которых более всего ждали. Потому что экономический кризис, инфляция, продовольственная проблема, отсутствие вещей первой необходимости, вещей, без которых и жить-то невозможно, все это сплелось уже в такой узел, затянулось такой петлей, что все остальное могло бы, должно было отступить.

А не отступало. Накидывалось шквалом страстей, отвлекая Съезд в дела грузинские, армянские, прибалтийские, утягивая в водовороты споров, казалось бы, частных, но таких жгучих, перед которыми устоять никто не мог. К ним я еще вернусь, а сейчас прежде всего о трех главных, на мой взгляд, выступлениях — П. Бунича, Н. Шмелева и Г. Попова. Это о кризисе. И о политике. И о деньгах. И о деревне. О нашей бедности, которая стала не то, чтобы унизительной, стыдной, уж не до этого — помыться ведь нечем, кипяток нечем заварить.

Бесконечные вопросы, от которых устала страна, стали облекаться в ответы.

Обеспечить на деле равенство всех хозяев на селе — вот что обоснованно, доказательно предложил Г. Попов. Не побоялся сказать и о неправоте Ленина по отношению к мелкому крестьянскому хозяйству. Не в смелости тут дело, а в свободе мышления. Горький опыт нашей политики для него важнее любых авторитетов. В своем анализе он шел до конца, добывая истину. Той же свободой отличалась мысль и Николая Шмелева. Они все трое мыслят просто, доступно, что всегда отличает настоящих ученых. Они формулировали конкретные программы ближних действий. Они как бы отвечали на многочисленные упреки, звучавшие в адрес ученых-экономистов. Рекомендации есть, предложения существуют, есть экономические программы, разработанные москвичами в преддверии Съезда, есть концепции, нет общего решения. Но должно ли оно быть одно для всех регионов? Демонополизация мысли, решений, это то насущное, что настойчиво, последовательно проводили прибалтийские республики. Выступления П. Бунича, Н. Шмелева, Г. Попова могли бы поднять общий уровень обсуждения на Съезде, сделать работу результативней, если бы речи эти прозвучали вначале, в ходе первых заседаний. Думается, это была ошибка Съезда. О ней предупреждали, ее пытались избежать, но не сумели. Большинство не разобралось в регламенте, привычно понадеялось на мудрость президиума.

Соучаствовали в Съезде все телезрители. Десятки и десятки миллионов обрели свои собственные суждения о происходившем. Мои заметки многих не устроят, наши впечатления и мнения могут лишь частично совместиться. Может быть, это и хорошо, не совпадения, а расхождения заставляют думать дальше, искать. Наверное, важнейший результат первого Съезда, что он стал не просто зрелищем, он вовлек в работу души и ума почти всю страну, весь народ, который старательно и долго отучали думать. Вроде бы и отучили, а вот как жадно, с живым соучастием рванулись в гущу съездовских страстей и предложений люди разные, вплоть до домашних хозяек. Заговорили, заобсуждали, забросали телеграммами своих депутатов, требуя, напоминая, подбадривая, упрекая. Копии посланий к Съезду вывешивались в гостиницах сотнями, изо дня в день.

Для истории интересен не только ход событий, а и ход настроений, перемена мыслей людей. Если бы составить диаграмму общественного самосознания народа, то за годы перестройки кривая эта резко рванула вверх в дни Съезда.

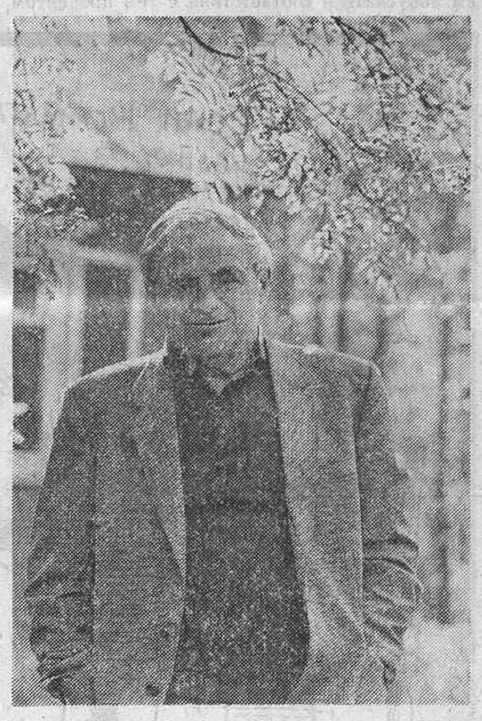
В работу Съезда перенеслось неостывшее возбуждение выборов. Это и помогало, и мешало. Не сразу удавалось избавиться от стиля собраний, митингов. Прорывались к трибуне самовольно, не стеснялись приклеивать ярлыки, передергивать, пользоваться демагогией, славословием. Рвались под камеру телевидения: покрасоваться, показать себя на страну, не чувствуя, что аудитория и на Съезде, и за стенами Дворца уже не та, что вчера, избирательная кампания убавила легковерие, в выступлениях типа Мешалкина разобрались быстро.

Коробило и печалило излишество злости. Очень уж много скопилось ее. Ну ладно, на беды наши всеобщие, на кооперацию, на бюрократов, на бездорожье, так ведь выплескивалась злость и друг на друга. Некоторые персональные выпады удручали бестактностью. То же самое можно было высказать корректно, ведь важнее установить истину, а не унизить оппонента. Наиболее неловкое впечатление оставили оскорбительные выпады в адрес А. Сахарова.

Некоторые старались показать свою свободу и смелость по отношению к Председателю Верховного Совета и его заместителю, делая это в ущерб элементарной учтивости.

Мы переживаем сейчас период, я бы сказал, всеобщего ожесточения. Соблюдать такт и уступчивость в этой накаленности и воспаленности непросто, но благотворно, как никогда раньше. Если бы высший форум страны сумел показать пример взаимоуважения! Тем более что работать совместно предстоит нам несколько лет. Кстати говоря, и Председатель, и его первый заместитель в этом смысле проявляли и терпение, и достойную признания выдержку. Не случайно у многих депутатов возникло пожелание создать комиссию по соблюдению норм этики и поведения. Может быть, нам полезен свод нравственных требований, кодекс, который обязан соблюдать каждый депутат, не только на Съезде, но и во всей деятельности. Нормы, повышенные ответственностью народного избранника. Весьма щепетильные нормы честности, неподкупности, скромной жизни. Я бы добавил сюда и формулы этикета, запрещающие всякую грубость...

На Съезде выделялись три личности. Это М. С. Горбачев, это Б. Н. Ельцин и А. Д. Сахаров. Если у Ельцина программа разворачивалась и поддерживалась до Съезда, а затем за и прежде всего за стенами Дворца съездов, то для Сахарова ареной его деятельности, его высказываний стал Съезд. На нем он боролся, как правило, в одиночку, выдвигая свои идеи, отстаивая свои принципы. Человек, абсолютно лишенный тщеславия, он стремился к трибуне, только чтобы защитить демократический регламент. Чтобы противостоять давлению, административному нажиму. Он быстро израсходовал запас терпения зала. Семь раз он прорывался, буквально прорывался на трибуну. Между прочим, ему ни разу не было предоставлено слово для нормального пятнадцатиминутного выступления, как другим депутатам. Его не слушали, его прерывали возмущенно и даже озлобленно, однако это его не смущало. Он продолжал, исполняя как бы свой долг, считал себя обязанным произнести какие-то вещи. Это даже была не смелость, это было органичное понимание личностной ответственности, которую он для себя считает чем-то вроде мессианства. В любом случае чувство, двигавшее А. Д. Сахаровым, было чистым, без расчета на карьеру, на славу, без жажды самоутверждения. К сожалению, его альтруизм воспринимали далеко не все; отвыкли мы от такого чувства. Восприятие сахаровских слов,



да и поведения, оно все же происходило у многих депутатов, но с запозданием. После выступления инвалида афганской войны, когда Сахаров так нерасчетливо и поднялся на трибуну, и стал объясняться и когда весь огромный зал, казалось, восстал с воплем неприятия, когда, казалось слова его не были услышаны.. Однако на следующее утро, 3 июня, царило смущение, словно опомнясь, многие недоумевали — как они могли поддаться этой безрассудной вспышке гнева — на кого? На человека, который бесстрашно, в одиночку, воевал все эти годы с этой стыдной войной. Уж он-то...

И не раз, и не два происходили подобные запоздалые прозрения. Уже в середине Съезда стало ясно, что лучше было действительно выбирать в Верховный Совет после прений как это предлагала «московская группа». Прояснилось в ходе прений кто есть кто, и опять слышалось сожаление об излишней поспешности выборов. В результате в Верховный Совет не прошли такие депутаты, как Г. Попов, Т. Заславская, А. Яблоков, Ю. Афанасьев, В. Иванов, Н. Шмелев, П. Бунич, Н. Воронцов и другие, те, кто последние годы так много сделал для перестройки, специалисты высшего класса — в экономике, социологии, экологии. Потери эти для Верховного Совета, боюсь, неоправданные, плохо поправимые. Кроме вреда, делу перестройки нанесена обида, болезненная тем, кто готовил материалы программы к Съезду с такой надеждой и тщательностью.

Ю. Н. Афанасьев счел виновным в этом «агрессивно-послушное большинство». Такое большинство действовало в начале Съезда, потом оно стало уменьшаться. Но вопрос — кому послушное? Думаю, что послушное не одной личности, а тому анонимному, следовательно, безответственному механизму, который имел возможность предрешать, влиять на события.

Сахаров не традиционный лидер, нельзя сказать, что он стремится организовать какую-то фракцию депутатов, группу левых и т. п. Он скорее лидер совести и пример нового мышления. Его действия логично продолжают то, что начато Горбачевым и следует из его курса.

Казалось бы, Горбачев должен радоваться, поддерживать Сахарова, никакой открытой полемики между ними не происходило, никаких резких расхождений не проявилось. Но иногда мне казалось, что на Горбачева, на его поведение наложены ограничения, что его обязали выполнять условия рутинные, опасливые, отражающие волю административно-партийного аппарата. Что он не свободен. Во многих случаях он словно лишен самостоятельности и вынужден действовать половинчато, далеко не в духе провозглашенной им же политики. Впечатление это сугубо личное, но личностный момент тут не отбросишь, каждый старается понять действия Горбачева — ибо фигура его многое решает в судьбе перестройки. Пока что судьба эта слишком зависит от его личности, ибо проблему гарантии, которая нас так волнует, Съезд не решил.

Только политически, да и нравственно, бесчувственный человек может считать мелочами внезапно грянувший дефицит мыла, чая. Мыло не водка, его нехватка — ежедневная беда, ежедневная травма. Так же, как чая. В сущности это ЧП, постигшее многие регионы. Об этом говорили на Съезде как о пределе кризисного состояния. Но еще до Съезда о случившемся должен был выступить перед населением Председатель Совета Министров, объяснить, что произошло, какие меры принимаются. Ничего не поделаешь, надо в таких случаях выступать по телевидению, если не регулярно, то хотя бы при всяком исчезновении простейших товаров, без которых нормальная жизнь нарушается. И соответствующих министров призвать к ответу, пусть тут же дадут свои пояснения, свои обязательства.

Конечно, искусство переложить вину, посулить, а то и просто наврать достигло у нас наивысшего расцвета. Ложь проникла, укрепилась в самых разных областях жизни. Возьмите историю, историческую науку, возьмите любое производство с его приписками, выводиловкой, липовыми отчетами. Госкомстат, здравоохранение, судебное дело, школа — буквально повсюду привычно подгоняют цифры плана, дают дутые сведения, отметки, скрывают, умалчивают. Возьмите искусство с раздачей незаслуженных званий, казенной приказной славой. Шедевры советской живописи прятали в запасниках, объявляли пачкотней, а выставляли посредственность. Какие завалы лжи накопились о деревне, о колхозной жизни. Немудрено, что врать стало делом привычным, вошло в деловой обиход. Чего проще — пообещать просителю в том же сельсовете, в жилконторе, а уж в райисполкоме и говорить нечего. Наобещают, лишь бы отвязаться. Обманут запросто, ибо никак не отвечают за обман. Выдадут бумагу — сделаем ремонт, дадим квартиру, дадим участок, поможем, пришлем, обменяем. Врут большие и малые, от станции автообслуживания до министра. Командно-административная система с ее планом любой ценой порождает вранье на всех уровнях. Она и оправдывала — мол, это для пользы дела. Вранье не считалось враньем, не вменялось в вину. Когда по телевидению стали передавать встречи с министрами, заседания Совета Министров, наглядно предстало перед всеми, как беззастенчиво, спокойно и легко иные лгут, «пудрят мозги», «вешают лапшу на уши», врут так, что не перелезть и не перейти.

Государство само преуспело в дезинформации, достаточно вспомнить войну в Афганистане, аварию в Чернобыле, трагедии Сумгаита, Тбилиси. Все это сопровождалось обманом, замалчиванием.

Я не берусь определить, какие задачи сегодня надо решать прежде всего, но я убежден, что нулевой приоритет принадлежит правде. Как прекратить ложь, каким образом изгнать ложь из всех кабинетов, каким образом восстановить доверие народа к власти? Очевидно, следует ввести строгую ответственность за обман. Пообещал — выполни, нарушил слово — уходи. Новое правительство, Верховный Совет, мы, депутаты, должны прежде всего не запятнать себя ложью. Если мы хотим бороться с массовым воровством и цинизмом, с коррупцией и бесправием, мы должны иметь честное правительство, идеально честное. Нынешняя система хозяйствования безнравственна. План, погоня за цифрой толкают на обман, честность невыгодна. А между прочим, ликвидация монополизма, конкуренция дают возможность выбрать того партнера, который порядочнее. Нравственность связана с экономикой куда крепче, чем нам казалось.

Съезд негодовал на Сахарова за его интервью. Но где они, истинные виновники решения о вводе наших войск в Афганистан? Они укрыты упорным молчанием. Сколько раз на Съезде требовали привлечь к ответу, судить тех, кто развязал преступную войну.

Нет виноватых в трагедии Арала, в тяжелой судьбе каракалпакского народа. Безнаказанно прошла история с Байкалом. Министр Минводхоза, обласканный, благополучно ушел на пенсию, хотя его министерство причинило земле нашей бедствия, которые не причинил ни один преступник. Заводы искусственного белка привели к болезням и гибели детей в Киришах, пострадали от них и другие регионы. Министерство медбиопромышленности не желало считаться со здоровьем людей. Министерству, министру важно другое — план, поощрения. Ради этого можно пренебречь чем угодно. Простят так же, как ради валюты сейчас вырубают Карельский перешеек под Ленинградом лесозаготовители. Простят. Валюта нужна.

Министры не боятся ответственности перед народом. У нас начальство находится в мертвой зоне безнаказанности.

Даже если забаллотирует Верховный Совет. Отставка, которая им грозит в худшем случае, всячески смягчена, украшена пенсионным почетом, дачным покоем.

Ленинградцы мучаются от строительства дамбы, затеянной Г. В. Романовым вопреки всем протестам. И будут мучиться долго. Финский залив, устье Невы доведены до экологически угрожающего состояния. Виновник же этого кризиса благоденствует как ни в чем не бывало.

Никто не жаждет репрессий, новых процессов, но печально видеть, как укрепляются традиции безнаказанности.

Почему так болезненно переживают сегодня историю со следователями Гдляном и Ивановым? Да потому, что для многих в них сегодня воплотилось чувство возмездия, наказания за все казнокрадство, хищничество, разбои. Долгожданное время расплаты так и не приходит. Не ради мести, ради торжества правопорядка. Правосознание должно питаться ясными актами, а их нет. Безнаказанность продолжается и создает моральный вакуум. Несколько лет пишут о мафиях, о действиях организованной преступности, последнее время наглые, открытые проявления этих групп переходят почти в открытый террор. За все это время не слышно было о судебных процессах над мафиями. Что это значит? Беспомощность (всесоюзная?) милиции, закона? То же торжество безнаказанности, что и у бывших руководителей?

Съезд выслушал объяснения бывшего первого секретаря ЦК Компартии Грузии товарища Патиашвили о событиях в Тбилиси. Более всего меня поразило то, как он уклонился от прямого разговора с людьми на площади, не вышел к своим соотечественникам, предпочел объясниться с ними через солдат. В его выступлении не было ни раскаяния, ни ужаса перед своей виной. Неуважение к своему народу недопустимо для партийного вожака. Тем более трусость. Бояться пойти к людям, пусть даже бушующим на площади, возмущенным, разъяренным, — позор для мужчины, не говоря уж о руководителе.

Признаюсь, для меня непонятно в связи с этим и поведение другого партийного секретаря, который, по моему пониманию, не должен был уходить с должности, «пересесть в другую коляску», пока ферганские распри не будут полностью улажены.

Проблема партийной чести, этики проступила на Съезде довольно явственно. Взять хотя бы бывшего министра финансов Гостева. Видел же он (да разве он один?), что надвигается финансовый кризис, что его политика соглашательства вела к пагубным последствиям?..

Не знаю, был ли хоть один случай, когда министр, секретарь ЦК, даже секретарь обкома подавали бы в отставку, сознавая свою неспособность или обнаружив провал своей концепции. Как правило, дотягивают до последнего, полного краха. При выборах в Ленинграде был забаллотирован и не прошел мэр города В. Я. Ходырев. На протяжении последних лет горожане активно высказывали недовольство его работой. Город находится в запущенном состоянии. Жилье, дороги, исторический центр, общественный транспорт — все пришло в упадок, качество воздуха и воды ухудшается, больницы, школы, магазины доведены до инвалидного состояния. Ленинградцы упорно требовали отставки председателя исполкома. На митингах, в листовках, на собраниях — всюду раздавалось одно и то же: Ленинграду нужен мэр, который любил бы этот прекрасный город, старался бы восстановить его славу. Самолюбие, чувство собственного достоинства, казалось бы, должны быть свойственны руководителю, как и любому частному лицу. Если тебя не хотят избиратели, отвергают горожане, то какое моральное право ты имеешь оставаться в этом кабинете.

Не привыкли считаться с мнением рядовых людей, не было такого порядка. И только сейчас, на комиссиях Верховного Совета, впервые стоят министры, зампреды перед депутатами и держат экзамен. От них требуют изложить концепцию той же внешней торговли, или финансовой политики, или банковского дела. Их гоняют по невыполненным постановлениям. Они вынуждены оправдываться — перед кем — перед директорами заводов, председателями колхозов, работягами, которых еще недавно они жучили сами, которые мечтали попасть к ним на прием. Все изменилось круто, удивительно. Сидят не директора, не начальники цехов, а депутаты, от них зависит, утвердить или нет этого министра, и он, министр, привыкает к мысли, что отныне он зависит от них. Прежнее умение угадывать взгляды высшего начальства не помогает. Зависимость отныне не персональная, зависишь сейчас от всего этого собрания, от депутатского представительства. Психологически это совершенно новая ситуация. Вышестоящий исчез, не совсем, конечно, но знание его слабостей, его помощников, его пристрастий не имеет прежней цены.

Вопрос о соотношении между властью народных депутатов и руководящей ролью партии возникал на Съезде и продолжает путать своей нерешенностью. Комиссии по Конституции предстоит найти новые подходы к этой важнейшей проблеме. По мере работы Съезд все более ревниво отстаивал свои права как высшего органа страны, который никому не подчиняется. Постановления ЦК КПСС и Совета Министров, к которым мы привыкли как к директивам, ныне таковыми не воспринимаются. Все больше вопросов возникает — почему, собственно, нужно рекомендовать Съезду кандидатуры членов правительства, формировать это правительство. Не диктат ли это, не покушение ли на самостоятельность, независимость Советов? Одно дело, когда Председатель Верховного Совета страны предлагает кандидатуру своего заместителя. Тут права его бесспорны. Он подбирает того, кого знает, кому верит, с кем хочет работать. Другое дело, когда без альтернативных кандидатур выбирают председателей палат и некоторых других высших руководителей. Неоправданный прессинг производил довольно тягостное впечатление. Так что борьба на Съезде происходила явная и скрытая, она многому научила депутатов, и надо думать, что уроки эти усвоены. Съезд избрал Председателя Верховного Совета без альтернативы. Съезд подчинился и избрал Верховный Совет до прений. Теперь видно, что это ослабило состав Совета. На Съезде предлагали заслушать содоклад московских экономистов о положении в стране. Теперь ясно, что предложение это позволило бы обсудить важнейшие положения содоклада, а так они прошли в потоке рядовых выступлений. И, наконец, декрет о власти, который предложил А. Д. Сахаров, заслуживал, на мой взгляд, серьезного обсуждения. Ему же дали произнести только это под занавес, в последний час работы Съезда. Обсуждение этого декрета следовало бы продолжить. Там есть достойные внимания вещи: исключительное право Съезда избирать и отзывать ряд высших должностных лиц независимо от решений КПСС. Начиная от Председателя Верховного Совета и до главного редактора «Известий» (кстати говоря, неоднократно звучавшее, это предложение насчет «Известий» так и не было проголосовано). Есть там и другие серьезные предложения. В частности, насчет сокращения срока службы в армии.

Передача власти Советам, взятие власти Советами — два встречных процесса, которые будут идти с разной энергией. Власть Советам — идея обновления нашего общества. За последние годы прежние лозунги обветшали, формулы и понятия, заученные со школьных лет, лишились реального наполнения. Пафос стал нестерпим. Призывы безответны. Высокие слова оказались истрачены. Но «власть Советам» обрело свежесть надежды и выстраданного смысла.

Мы не представляли себе, что страна наша так отстала. Куда ни посмотришь — по состоянию здоровья, по лекарствам, по музеям, по жилью, по качеству воздуха в городах, по фруктам и овощам, по пенсии по бумаге, по симфоническим оркестрам — всюду мы где-то далеко позади развитых стран, тридцатые, пятидесятые места, в компании молодых африканских государств, а то и за ними. Тяжелое время стыда и унижения переживает наше гражданское самосознание. Буквально не за что ухватиться. Да, космос. Да, военная наша сила. Да, атомная техника. Да, искусство. Но обыденное сознание никак не может состыковать это с импортом, допустим, гуталина.

Мучительно трудно отказаться от мысли, что могучая, богатейшая наша страна вовсе не передовая, не воплощение мечты трудящихся всего мира. Еще горше признать, что страну свою мы разорили, она обеднела, что у нас негодная технология, запущенные земли, мы разучились работать и хозяйствовать. Что мы отстаем и отстаем... Амбиции наши не оправдались. Гордиться, не знаешь чем. Но признать это — значит исполниться скромности и того трезвого смирения, которое порождает твердость. На это надо мужество. В убогой гордости, как считали в старину, — дьяволу утеха. Мы отказываемся от прежней убогой гордости. Чванство не ум, а недоумье. Задача, может, в том состоит, чтобы всячески облегчить друг другу этот психологический переход. Никто не знает, как будут складываться новые социальные отношения, новые системы хозяйствования, одно лишь ясно, что переход к ним требует терпения и мягкости.

С благодарностью откликнулся Съезд на поступок доцента Омского университета депутата А. Казанника, который предложил на свое место в Совет Национальностей Б. Н. Ельцина. Великодушия часто не хватало, и все это чувствовали. Не хватало бережного, уважительного отношения друг к другу. Пестрым и разноликим было это собрание огромной страны. Депутации сидели по регионам, соединенные своими традициями, служебными отношениями, национальными обычаями и, наконец, начальством. Для кого-то важно было, как оно голосовало, кому аплодировало. Да и начальство тоже могло следить. Рядом с нами расположилась депутация одной среднеазиатской республики. Там довольно откровенно действовал некий бравый тамбур-мажор, он вздымал обе руки, начиная аплодировать, первый поднимал руку, голосуя, иногда вскакивал, выкрикивая: «Позор!» или «Лишить слова!», и депутация, словно команда, слаженно поддерживала его. Постепенно слаженность нарушилась. Бурная жизнь Съезда, кулуарное, незапланированное общение разрушало региональные перегородки. Становилось ясно, что «географическое сидение» не помогает нормальной работе. Всесоюзное депутатство требует соблюдения не местных интересов, а всенародных. Рано или поздно взамен административного деления начнется расселение по убеждениям, приязни, совместным действиям. Такое размещение депутатов характерно для всех парламентов, естественная потребность этого организма. Собственно говоря, в первые же дни Съезда начались поиски единомышленников — по крестьянскому вопросу, по проблемам Прибалтики, по отношению к регламенту. Формировались как бы блоки, группы, втягивая в активную деятельность депутатов из самых дальних областей. Конечно, взаимознакомство в таком большом сборище весьма затруднено. Две тысячи двести депутатов — это вообще трудноуправляемая, инерционная масса, плохо пригодная для плодотворной, сосредоточенной работы. Для успешного правления нужны не голосующие руки, не зычный голос, а зад, сидеть, обсуждать, думать. Не берусь определить оптимальное количество депутатов, думается, оно много меньше. Немудрено, что зал так колыхался под взрывом страстей, временами плохо понимал себя, чьи-то поднятые руки, чьи-то протесты терялись в людской гуще. Весьма смутно можно представить, как при нынешнем составе распределяются «либералы» и «консерваторы», сколько, условно говоря, правых, левых и центра. Большое количество создает психологический диктат толпы. Волна эмоций подхватывает, несет против воли. Трудно не встать, когда все рядом встают. Поддавшись страстям, хочется тоже кричать в ответ на крики. Наверное, это бывает во всех парламентах, но боюсь, что здесь все усиливалось количеством, возрастало геометрически.

Многих телезрителей огорчали неорганизованность Съезда, невыдержанность, анархия. Меня же, наоборот, удивило, как при такой плохой подготовленности Съезда, при отсутствии предварительной информации, при этом столпотворении, как многое все же удалось. Съезд избежал хаоса, не раскололся, очень быстро, с каждым заседанием усиливалось чувство политического достоинства, самосознания независимости. К концу Съезда это уже был совсем иной Съезд. И свидетельством тому ощущение неудовлетворения, недовольства своей работой. Огромное это стечение людей сформировалось, ощутило себя организмом, ощутило свою ответственность и получило представление о том, каким ему надо быть. Так называемое «меньшинство» на Съезде тоже сформировалось. Думаю, что это творческое и перспективное меньшинство. В науке чаще право бывает меньшинство. Чем идея оригинальнее, чем революционнее, тем труднее она воспринимается большинством. «Меньшинство» на Съезде выступало убедительно, резко, не удовлетворенное медлительностью решения кризисных проблем экономики. С чем воевало меньшинство? С тягостной половинчатостью ряда указов, постановлений, законов последних лет. Они вроде бы правильные и в то же время попорченные, как бы подпиленные какими-то опасливыми или коварными руками. Раскрыто было стремление сохранить любой ценой старый механизм, подлатать его, зашпаклевать, подкрасить, вместо того чтобы отказаться от него, признать его несостоятельность. Стало ясно — кто цепляется за власть, за централизацию, за старые формы собственности. Так происходит, например, с передачей земли крестьянам в вечное пользование. Миллионы гектар заброшенных, пустующих земель, покупали зерно за алмазы, остатки леса, а землю крестьянин получить не может, нет такого ясного предписания, как всегда, недостает категоричности. Безоговорочности. Правовая дырявость, а то и выхолощенность многих законов похожа на вмешательство каких-то некомпетентных людей. Именно «каких-то», вот эта анонимность и борьба с ней также занимали внимание многих. А между тем на Съезде выявились весьма понимающие эти вопросы люди. Я имею в виду С. Алексеева из Свердловска.

Мне думается, ряд положений, выдвинутых меньшинством, получит признание. Меньшинство и левые, они в какой-то части совпадают.

Если отсечь экстремистские призывы, то тяжкие обстоятельства нашей жизни пока что заставляют двигаться влево. Желание перестроить наше общество действует ныне всюду, как действует сила тяжести. Задача в том, чтобы не отклоняться от общественного мнения, от всенародного, я бы сказал, даже от международного этого желания.

При всех своих промахах Съезд смело вступил в эру демократического правления страны. Характер власти с этого момента резко изменился. Власть вернулась к народу хотя бы в грубом приближении. Это возвращение, или обретение власти, продолжила работа сессии Верховного Совета. Сессия все с большей требовательностью, критичностью стала осуществлять свою власть. Осознать свою власть дело непростое. Власть-то новенькая, не опробованная. Пользоваться ею надо осторожно, доказательно. Соотносить с законом, избежать властолюбия. Рассматривая кандидатуры членов правительства, Верховный Совет развивал процесс, начатый на Съезде, психологически важный: осознание своей власти. И стал набирать признание. Сегодня все спрашивают друг друга — что дальше? Как, куда пойдут события? Но, думаю, какие бы трудности ни возникали на пути обновления нашей жизни, Съезд этот был событием решающим, благотворным, смысл которого еще будет осознаваться.